

ПРИМЕЧАНИЯ

* Здесь и далее в скобках приводятся цитаты из оды Ломоносова «На день брачного сочетания великого князя Петра Федоровича великая княгини Екатерины Алексеевны, 1746 года».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1965. 580 с.
2. Морозов А. А. Михаил Васильевич Ломоносов // М. В. Ломоносов. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1965. 580 с.
3. Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. Т. 1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Художественная литература, 1985. 735 с.
4. Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. 608 с.
5. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

REFERENCEC

1. Lomonosov M. V. Izbrannye proizvedeniya. L.: Sovetskij picatel', 1965. 580 s.
2. Morozov A. A. Mihail Vacil'evich Lomonosov // M. V. Lomonosov. Izbrannye proizvedeniya. L.: Sovetskij picatel', 1965. 580 s.
3. Puchkin A. C. Cochineniya: V 3 t. T. 1: Stihotvoreniya; Skazki; Ruclan i Ljudmila: Poema. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1985. 735 s.
4. Cumarokov A. P. Izbrannye proizvedeniya. L.: Sovetskij picatel', 1957. 608 s.

П. А. Исакова

ЗАРОЖДЕНИЕ РЕАЛИЗМА В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Зарождение реализма в японской литературе в конце XIX — начале XX века было обусловлено как влиянием, которое оказали западная натуралистическая и реалистическая литературы на литературный процесс в Японии, так и внутренней общественно-литературной эволюцией.

Ключевые слова: японский реализм и натурализм, сидзэнсюги, влияние европейской литературы.

P. Isakova

Emergence of Realism in Japanese Literature

The emergence of realism in Japanese literature of the end XIX — beginning XX centuries was caused by the influence of by Western Naturalism and Realism literature, as well as by internal social-literary evolution Japan.

Keywords: Japanese realism and naturalism, Chizensyugi, influence of European literature.

В странах Востока элементы реалистического метода возникли в литературах, переживающих эпоху так называемого восточного Возрождения. Реализм просветительский, а затем критический оформился в восточных литературах (китайской, иран-

ской, турецкой, арабской и др.) позже, чем на западе, причём не только в результате внутренней общественно-литературной эволюции, но и под прямым воздействием западной, а затем и русской литературы. В начале XX века Япония активно знакоми-

лась с мировой литературой. Благодаря переводческой деятельности Фтабатэй Симэй, Мори Огай, других писателей и переводчиков японские читатели открывали для себя шедевры русской, французской, немецкой и английской литератур.

«Последние годы XIX века и первые XX, — писал Н. И. Конрад, — принесли в Японию из Европы Флобера, Бальзака, Мопассана, Золя, Ибсена, Тургенева, Чехова, Достоевского, Толстого... Внутренние факторы собственного роста, влияние европейской натуралистической школы создали в Японии слывшую под именем «натуралистической», а на деле классическую реалистическую литературу эпохи расцвета буржуазии и начала её упадка» [7, с. 372–373].

В связи с открытием мировой литературы перед японскими литераторами открывались совершенно новые возможности литературного творчества, его новое назначение.

В частности, японская литература испытывала сильное влияние русского и западного реализма и натурализма. Это отражалось в проблематике произведений японских писателей, в разработке новых для японской литературы социально острых тем, в художественном методе и стиле.

Можно с уверенностью сказать, что ни один из писателей периода Мэйдзи* и Тайсё** не остался в стороне от процесса восприятия новых идей, новых принципов художественного творчества, которые были принесены в Японию русской и западноевропейской литературами. Недаром известных японских писателей того времени Токутоми Рока называли «японским Толстым», Нацумэ Сосэки — «японским Чеховым», многие произведения Куникида Doppo были близки тургеневским рассказам.

Помимо влияния европейской литературы, в Японии существовали и внутренние факторы, способствующие развитию эры «натурализма». Недостаточность прежних средств литературного выражения обусловила необходимость создания общественно

значимого романа на основе творческого метода «реализм», в первую очередь посвящённого проблемам политики, буржуазно-помещичьей верхушке. Трансформация мировоззрения мелкобуржуазной интеллигенции, пролетариата и крестьянства на явления окружающей действительности сделала неизбежным появление реалистического метода в японской литературе. Обострение классовой борьбы и усиление рабочего движения способствовало обнаружению язв жизни, вскрытию теневой стороны действительности.

Не подлежит сомнению факт, что все писатели того времени осознавали необходимость изображения в японской литературе реальной жизни, что служило главной предпосылкой возможности развития реализма. Однако каждый из литераторов по-разному отвечал на вопрос как эту действительность следует изображать и какую конкретную действительность выбрать объектом изображения. Для японской литературы периода Мэйдзи особенно остро стоял вопрос о художественном методе, и к однозначному решению этой проблемы литература Мэйдзи так и не пришла. В те годы в японской литературе соседствовали и романтические, и натуралистические, и реалистические тенденции.

Однако наиболее сильным оказался японский натурализм — «сидзэнсюги», — который высоко ценил его современник — поэт и критик Исигава Такубоку: «Натурализм освободил литературу... Это самое значительное явление в литературной жизни за последние несколько лет... Разрушая всяческие правила и ошибочные идеи, обличая фальшь, это направление поднимает на щит правду жизни такой, какая она есть [4, с. 112].

«Сущность группы “сидзэнсюги” в том, — писал известный критик натурализма Хасэгава Тэнкэй, — что она даёт непосредственную картину человеческой жизни, отбросив традиции, отбросив идеалы» [3, с. 330].

Важным является вопрос трактовки термина «сидзэнсюги». Без сомнения, изначально подразумевалось, что исходные положения «сидзэнсюги» схожи с европейским натурализмом. Но явление, перенесённое из одной части земного шара в другую, не могло сохраниться в первоначальном виде. По мнению Н. И. Конрада, это новое направление получило название, взятое из современной тому поколению европейской литературной жизни, так как оно оформлялось и конкретизировалось под влиянием Запада. Знакомство японцев с писателями и натуралистической, и реалистической школ совпало с недавним в то время расцветом натурализма в Европе. Поэтому созданные под этим влиянием произведения стали считаться натуралистическими. Посыл первых писателей нового времени действительно созвучен натуралистической школе: родоначальник японского натурализма Косуги Тэнгай призывал «Изображать так, как есть» («аругамама-но бёся»), Таяма Катай придерживался принципа «неприкрашенного изображения» («рокоцунару бёся») и «плоскостного изображения» («хэймэн бёся»).

Почему же именно натуралистический метод завоевал в те годы наиболее широкое признание? В книге «Японская художественная традиция» Т. П. Григорьева выдвигает следующее предположение. «Может быть, дело в предубеждении против рассудочности, которая всегда претила утончённому вкусу японцев, воспринималась ими как свидетельство примитивного мышления, не дошедшего до осознания своей относительности» [3, с. 25]. Натуралисты считали, что незачем знать суть вещей, когда истина в принципе непостижима. Гипотеза Т. П. Григорьевой объясняет внутреннюю причину популярности натурализма, к которому японских писателей привела национальная традиция восприятия действительности, а эта внутренняя причина, в свою очередь, в какой-то мере способствовала и появлению внешней причины, подготовила

почву для её проявления — широкого распространения философии позитивизма О. Конта и Г. Спенсера, отвергавших возможность обнаружения сущности явлений в процессе их познания и считавших, что объяснение как таковое невозможно.

Отдавая должное натурализму как явлению прогрессивному на определённом этапе развития литературы, японские писатели, увидев, что натурализм исчерпал себя и оказался в творческом тупике, перешли к резкой критике «сидзэнсюги», утверждая принципы реализма. Как и их западные учителя, японские натуралисты смотрели на человека как на биологическое существо, поработённое животными инстинктами, и сводили задачу литературы к протокольному воспроизведению действительности. Для писателей-реалистов же характерна острая социальная критика, проникнутая идеями гуманизма. «Бесспорно, вначале натурализм представлял собой такую философию, к которой мы горячо стремились, но в какой-то момент мы обнаружили теоретическую противоречивость этой философии... Лично я во всяком случае не мог больше довольствоваться позицией постороннего наблюдателя. Отношение писателя к человеческой жизни не должно быть позицией постороннего наблюдателя. Писатель должен быть критиком или же проектировщиком человеческой жизни» [4, с. 130].

Декларация реалистических принципов литературного творчества японских писателей стала продолжением и развитием взглядов на литературу, которые высказывал Фтабатэй Симэй ещё до бурного расцвета «сидзэнсюги» в статье «Теория повествовательного жанра» (1886). Фтабатэй считал, что объектом литературы служат не только чувства, но и все многообразные явления жизни; цель литературы — правдиво воссоздать действительность, но писатель не копирует её, а за случайными явлениями обнаруживает законы. По мнению Фтабатэй, искусство, как и наука, — способ по-

знания действительности специфическими средствами, и в этом его социальное назначение. Известно, что приверженностью реалистическому направлению в литературе Фтабатэй Симэй был обязан сильному влиянию на него статей Белинского, творчества русских писателей-реалистов Гоголя, Тургенева, Гончарова.

Таким образом, мозаичная картина литературной жизни Японии в эпоху Мэйдзи в значительной мере определялась не только многообразием и противоречивостью явлений действительности, ставших объектом изображения, но и многообразием форм и методов её изображения, обусловленным тем, что одни писатели находились под влиянием русской реалистической литературы, другие восприняли натуралистический метод художественного творчества, а третьи обращались к традиционным формам японской литературы.

В творчестве многих писателей отразилось столкновение влияний и европейского натурализма, с одной стороны, и русского реализма — с другой. Увлечённые и импульсивные, они не успевали в полной мере осваивать прочитанное, выделять главное и второстепенное, осознавать различия, идейные и художественные, реализма и натурализма. Однако причины тому существуют совершенно объективные. Во-первых, трудно провести чёткую различительную грань между реалистической и натуралистической литературами, что отмечал французский критик Давид Соваж, современник Золя и Толстого в своём монументальном исследовании «Реалии и натурализм в литературе и искусстве» [9, с. 189].

Во-вторых, японские писатели ещё не были в достаточной мере подготовлены к органическому и целенаправленному восприятию инонациональных литератур Запада уже в силу того, что японская литература не прошла того пути развития, как западно-европейская, что было обусловлено значительным отставанием Японии в социально-экономическом развитии, поздним, по срав-

нению с Западной Европой, установлением капиталистических отношений. Кроме того, нельзя не учитывать, что поток новых идей, новых учений, новых знаний, захлестнувший Японию после революции Мэйдзи, был слишком мощным, при этом и в экономике, и в политике, и в философии, и в искусстве Японии происходили коренные преобразования.

«Просветительский период» стал первым этапом на пути становления общественной мысли и литературы в Японии после революции Мэйдзи. Концом этого периода принято считать появление в литературном мире Цубоути Сёё и Фтабатэй Симэй. Трактат Цубоути Сёё «Сущность романа» — первое теоретическое произведение, посвящённое новой литературе, а роман «Нравы студентов нашего времени» — первый творческий опыт создания нового романа. В статье Фтабатэй Симэй «Общая теория романа» (1887–1888) изложены принципы построения новой литературы, на которые писатель опирается в романе «Плывущее облако». «Просветительский период» в Японии не является аналогом эпохи Просвещения, характерной для Англии, Франции и других стран Европы, начиная со второй половины XVII века и почти до конца XVIII века. Интеллектуальное и философское движение эпохи Просвещения оказало большое влияние на последовавшие изменения в этике и социальной жизни Европы, призывая к политической централизации, к превращению феодальных государств в национальные и к расширению прав их граждан. Столкновение между набиравшей силу буржуазией и умирающей идеологией феодалов воспринималось общественностью как борьба просвещения с обскурантизмом. Когда в наиболее развитых капиталистических странах буржуазия уже создавала свою государственность, культуру, литературу, буржуазия Японии только появлялась. Поэтому Япония, взяв за образец развитие Запада и США, поставила перед собой задачу сделать свою идеологию более современной. В

японской литературе, посвящённой «просветительскому периоду», наиболее часто встречаются такие термины, как «осовременивание», европеизация.

В конце 90-х годов возникает литературное движение, получившее название «сидзэнсюги ундо». «Сидзэнсюги ундо» — [自然主義運動, сидзэнсюгиундо:] (сидзэн — «натура», «природа»; сюги — «принцип»), — так называемое «движение за натурализм», стало главным направлением литературы конца 90-х годов XIX века — 20-х годов XX века. Оно стало важнейшей вехой в развитии японской литературы. Движение «сидзэнсюги», вопреки названию, утвердило в японской литературе и натурализм, и реализм как художественные методы.

Традиционно считается, что понятие «сидзэнсюги» было введено Мори Огай в 1889 году как эквивалент европейского термина. Однако становление в Японии реалистической литературы, характерной для Европы середины XIX в., пришлось на период распространения на Западе натурализма, а вследствие скудности теоретических познаний японских литераторов в области западной поэтики произошло смешение понятий «реализм» и «натурализм». Это обстоятельство и стало одним из факторов, повлиявших на утверждение «сидзэнсюги» как главного литературного направления первых двух десятилетий XX века.

Реализм в японской литературе развивался в сложном взаимодействии не только с натурализмом, но и с романтизмом. Борьба романтиков за раскрепощение личности, начатая ими ломка устаревших канонов были продолжены реалистами. В японской литературе реализм и натурализм развиваются параллельно, они взаимодействуют между собой. Реализм утверждался одновременно и как отрицание поверхностности натурализма, и как развитие его позитивной программы. Поэтому японская критика нередко вкладывает в понятие «сидзэнсюги» черты, которые присущи собственно реализму, не

проводя четкого разграничения между натурализмом и реализмом. Движение объединило разнородные и разнотильные явления общим художественным интересом к проблемам действительности, поэтому надо иметь в виду сложность, качественную неоднородность того, что в Японии входит в понятие «сидзэнсюги».

В годы, предшествовавшие «движению за натурализм», в японской литературе развивалась так называемая «сякай сёсэцу» [社会小説, сякай сё:сэцу], известная в русском литературоведении как «социальный роман», или «социальная проза», которая стала началом формирования литературы нового времени.

Приверженцы социальной прозы заявляли, что их интересуют не отдельные явления общественной жизни, а многогранный облик современного общества с его нравами и противоречиями. Стремление к широкому охвату и исследованию жизни требует от писателя критического отношения к действительности. Социальная проза обратилась к жертвам общественной несправедливости. Именно в социальных романах и повестях, вначале описывающих только отрицательные аспекты жизни, критиковалась политика того времени. Зарождение социалистической литературы ознаменовано появлением таких писателей и литературных критиков, как Утида Роан, Токутоми Рока, Киносита Наоэ.

Социальный роман был предпосылкой для развития реализма, который начался на рубеже веков. Были освоены не только Бальзак и Толстой, но и Флобер и Золя.

Сближение искусства и науки, требование научной объективности, скрупулезного изучения фактов, — всё это было очень важным приобретением для японской литературы, где лишь малую роль играли наблюдение, изучение, анализ. Вплоть до нового времени в литературе господствовало мнение о том, что истинную природу вещей можно постигнуть внезапно, интуитивно, а не путем логического умозаключения.

Вопреки многовековым традициям, теперь японские писатели начали пытаться расчленять предметы, стремились к их анализу. Трезвая оценка и исследование явлений с художественной стороны стали эстетическим требованием движения «сидзэнсюги». Хасэгава Тэнкэй писал: «Исследовать человека, поставив его в определенные условия, и наблюдать изменения его психологического состояния — такая прекрасная возможность для писателя» [14, с. 117]. Пристально наблюдать жизнь, отбросив старые догмы, и показать жизнь такой, какая она есть, — в этом он видит задачу новой школы.

Движение «сидзэнсюги» испытывало также влияние теории экспериментального романа Золя. Новым для японских писателей был мотив объяснения зла сложившимися обстоятельствами и социальной средой.

В то же время экспериментальный роман, констатирующий факты, но не обобщающий их, его запрограммированный объективизм критиковали как реалисты, так и романтики. Мори Огай критикует Золя за то, что тот подменяет художественное творчество анатомией. «Факт — прекрасный материал для создания произведений. Но для того, чтобы факты заиграли, требуется еще и вымысел. Именно поэтому Доде превосходит Золя» [12, с. 18]. Вслед за Золя Косуги Тэнгай в повести «Модная песенка» стремится доказать зависимость поведения людей от их физиологии, роковой наследственности: героиня страдает за грехи своих развратных предков — богатых землевладельцев. Предисловие Косуги Тэнгай к повести «Модная песенка» прозвучало как манифест японского натурализма: «Природа есть природа. Нет ни хорошего, ни плохого, ни безобразного... А поэтому нет смысла ограничивать себя понятиями добра и зла, красоты и уродства... Писатель лишь копирует явления так, как они есть... Он должен совершенно исключить какое бы то ни было субъективное начало» [11, с. 5].

Отражая неприглядные стороны действительности, натуралисты осваивали новые области жизни, которые раньше оставались вне поля их зрения. Это касается не только биологических сторон жизни, наследственности, но и таких социальных сфер, как жизнь городских низов, крестьян, судьбы солдата на войне и т. д. Однако человек в концепции японских натуралистов — прежде всего биологическая особь, он рассматривается вне своих социальных отношений. В этом натурализм принципиально расходился с реализмом.

Критик Симамура Хогэцу в статье «Ценность натурализма» (1907) пишет о японском натурализме, что если истина составляет содержание натуралистической литературы, то основой для определения натуралистического художественного метода должно служить стремление художника объяснить, раскрыть суть этой истины. Художник, изображая частное явление и проникая в его сущность, поднимает вопрос о смысле человеческой жизни во всем разнообразии его проявлений, заставляет читателя задуматься над судьбами человечества.

В этой связи выдвигается и проблема авторской позиции. Критик Катагами Тэнгэн в своей статье «Сидзэнсюги» с мировоззренческих позиций» (1906) утверждает, что необходимо, чтобы писатель был не сторонним наблюдателем, а давал свою оценку изображаемому явлению. Объективное воспроизведение действительности с привнесением чувства скорби, боли и сожаления и есть, с точки зрения Катами Тэнгэн, реалистическое изображение. В вопросах соотношения частного и общего японская критика тех лет вплотную подходит к пониманию типического в искусстве.

Движение «сидзэнсюги» не противопоставляло себя реализму. Оно стремилось к тем же целям, следовало одной с реализмом программе. И хотя движение по-прежнему называлось «за натурализм», именно реализм определил его главное содержание.

В эти годы, когда реалистическая литература Японии осмысливала свои задачи, выработывала новый художественный метод, резко возрастает интерес японских писателей к русской литературе. Он был предопределен созвучием национального своеобразия русского литературного процесса и эстетического идеала русской литературы духовным потребностям новой японской литературы.

Гармоническое слияние субъективно-лирического и объективно-реалистического начал — одна из важнейших тенденций развития новой японской литературы. В синтезе такого рода японские писатели усматривали

путь к созданию истинных художественных ценностей. Без преувеличения можно сказать, что почти на всех японских писателей нового времени оказали влияние русские классики. Реформы Мэйдзи*** и «движение за свободу и народные права»****, направленные на свержение феодального строя, оказали огромное влияние на становление нового для японской литературы направления — реализма. Поражение «движения за свободу и народные права» вызвало необходимость изменить идеалистические представления о жизни и означеновало приход реалистического подхода и в литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Эпоха Мэйдзи [明治] «просвещённое правительство» — период в истории Японии с 1868 по 1912, который ознаменован отказом Японии от самоизоляции и становлением её как мировой державы.

**Эпоха Тайсё [大正] «великая справедливость» — эпоха, длившаяся с 1912 по 1926. В целом эпоха Тайсё характеризовалась высокой степенью интеллектуальной активности; но сами цели все дальше отходили от устремлений эпохи Мэйдзи. Романтизм Мэйдзи проложил путь реализму и натурализму, ибо новому поколению, чье воспитание было уже не столь ориентировано на конфуцианство, как в случае с поколением предыдущим, было чуждо настоящее чувство социальной ответственности.

***Реформы Мэйдзи [明治の改革] (мэйдзи-но кайкаку) — время преобразований, последовавших за «революцией Мэйдзи» 1867–1868 гг., которая привела к падению бакуфу — правительства сёгунов Токугава. Благодаря этому правительству Япония стала стремительно превращаться в великую державу. Именно в этот период произошли введение новой буржуазной конституции, судебная реформа, аграрные преобразования, среди которых — отмена феодальной зависимости крестьян, феодальной собственности на землю, введение свободы выбора возделываемых культур и реформа поземельного налога.

**** «Движение за свободу и народные права» [自由民権運動] «дзию минкэн ундо» — движение, которое на первом этапе боролось за конституцию и учреждение парламента в Японии в 1874–1882 гг. Участвовали широкие демократические слои. На втором этапе (с 1882 по 1884) целью движения стало свержение правительства самодержавной монархии и учреждение конституционно-монархического строя. На третьем этапе (с 1884 по 1885 г.) представители левого крыла разделяли республиканские идеи. Они выступали в защиту интересов крестьянства, но аграрной программы не имели; опирались на крестьянство некоторых центральных префектур, оказавшихся в тяжёлом положении из-за кризисных явлений в экономике, а также на некоторые воинские гарнизоны. В ноябре 1884 ими было организовано вооруженное выступление крестьян, но оно было подавлено правительственными войсками. В 1885–1886 гг. были арестованы руководители левого крыла. Сторонники движения стали полностью поддерживать монархию, часть из них вошла в правительство. Движение прекратило своё существование с принятием конституции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на русском языке

1. Григорьева Т. П. К вопросу о развитии теории реализма в японской литературе // Японская литература. М.: Исследования и материалы, 1959. 147 с.
2. Григорьева Т. П. Японская литература XX века. М.: Художественная литература, 1983. 416 с.

3. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», Институт востоковедения Академии наук СССР, 1979. 368 с.
4. Гришина В. А. Исикава Такубоку — критик и публицист. М.: МГУ, 1981. 200 с.
5. Иванов Б. В. Сингэки. Что это такое? М.: Правда, 1976. 85 с.
6. Идзу Тосихико. История современной японской литературы / Пер. с яп., ред., коммент. Н. И. Конрад. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 431 с.
7. Конрад Н. И. Очерки японской литературы. М.: Художественная литература, 1973. 462 с.
8. Конрад Н. И. Курс лекций по истории японской литературы эпохи «Мэйдзи» (1868–1912) // http://ru-jp.org/konrad_meiji_bungaku_01.htm (30.05.11)
9. Соваж Д. Реалии и натурализм в литературе и искусстве / Пер. с фр. А. Серебряковой. М.: Типо-литография В.Ф.Рихтера, 1891. 350 с.

Литература на японском языке

10. Кикутти Кан. Современная японская литература. XIX том. *Гэндай нихон бунгакукан* / Кан Кикутти, Ямамото Юдзо. Япония, 1967. 225 с.
11. Косуги Тэнгай. Модная песенка. *Хаяриута* / Тэнгай Косуги. Япония, 1902. 157 с.
12. Мори Огай. Теория романа с позиции медицины. *Игаку-но сэцу-ёри идзудэтару сё:сэчурон*. Япония: Ёмиури, 1889. № 8. 178 с.
13. Фукуда Кийбито. Сборник критических статей. *Хиханронсю*. Япония: Киёмидзу сёин, 1938. 329 с.
14. Хасэгава Тэнкэй. Собрание критических статей. Япония: Иванамибунко, 1988. 235 с.

REFERENCEC

1. Grigor'eva T. P. K voprosu o razvitii teorii realizma v japonckoj literature // Japonckaja literatura. M.: Iccledovanija i materialy, 1959. 147 s.
2. Grigor'eva T. P. Japonckaja literatura XX vek.a M.: Hudozhectvennaja literatura , 1983. 416 s.
3. Grigor'eva T. P. Japonckaja hudozhectvennaja tradicija. M.: Glavnaja redakcija voctochnoj literatury izdatel'ctva «Nauka», Incitut voctokovedenija Akademii nauk CCCR, 1979. 368 s.
4. Grichina V. A. Icikava Takuboku — kritik i publitsict. M.: MGU, 1981. 200 s.
5. Ivanov B. V. Cingjeki. Chto eto takoe?. M.: Pravda, 1976. 85 s.
6. Idzu Tocihiko. Ictorija covremennoj japonckoj literatury / Per. c jap., red., komment. N. I. Konrad M.: Izdatel'ctvo inoctrannoj literatury, 1961. 431 s.
7. Konrad N. I. Ocherki japonckoj literatury. M.: Hudozhectvennaja literatura, 1973. 462 s.
8. Konrad N. I. Kure lektoij po ictorii japonckoj literatury epohi «Mjejdzi» (1868–1912) // http://ru-jp.org/konrad_meiji_bungaku_01.htm (30.05.11)
9. Covazh D. Realii i naturalizme v literature i ickucctve / Per. c fr. A. Cerebrjakovoj. M.: Tipolitografija V. F. Rihtera, 1891. 350 s.

Д. П. Сафонова

**ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ АФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПО ДАННЫМ КОРПУСА
ФОЛЬКЛОРНЫХ КОРЯКСКИХ СКАЗОК**

Статья посвящена изучению корякского языка, относящегося к чукотско-камчатской семье палеоазиатских языков. Корякский язык является младописьменным, к тому же на современном этапе насчитывается очень малое число его носителей, что обуславливает необходимость его изучения. Автор преследует цель — создать корпус